

Днём мне позвонил Пэрриш.

— Говард, достань из шкафа что-нибудь приличное и собирайся. Даю тебе полчаса.

— Что?

— Давай, давай, хоть раз в жизни у меня дома побываешь. За тобой приедут ровно через полчаса, — и положил трубку.

Первые минут 5 я просто стоял, нахмутив брови, и пытался понять то, что только что было. Затем я по-быстрому собрался и стал ожидать. Малкольм не соврал: через полчаса к дому подъехала чёрная машина, в которую я сел.

На пороге огромного светлого дома меня ожидал Пэрриш. Он подошёл ко мне, пожал руку и провёл внутрь. Внутри не было дорогих ковров, стены не были завешены картинами полностью — несмотря на размеры, дом Пэрришей не был излишне роскошным. Малкольм познакомил меня со своей матерью.

— Адам, это моя мама — Аманда Пэрриш. Мам — Адам Говард, мой друг и сосед.

— Приятно познакомиться, — я протянул руку.

— Приятно, — миссис Пэрриш была очень приятной женщиной.

Дом Пэрришей был просторным, но каким-то тёмным. Я понимал, почему: сын боялся отца, а мать боялась за сына. Комната Малкольма была похожа на библиотеку, книги были в шкафу, на столе, возле кровати. Даже на балконе были стопки книг.

— У тебя с балкона видно озеро. Красиво.

— Ага. Всё детство хотелось там поплавать летом, но вода всегда холодная, — Пэрриш подкатил к балкону на кресле на колёсиках.

— Ты не прячешь записи дома? — я повернулся к нему и опёрся на перила.

— Нет, конечно. Они только у тебя и в кровати в нашей комнате в академии. Я больше такой ошибки не совершу.

— Ты боишься?

— Адам, он едва не сломал мне руку книгой в металлической обложке. Как ты думаешь?

Я положил руку ему на плечо. Пэрриш был ужасно уставшим. Уставшим от этого.

Я его обнял.

— Ой, да ладно тебе, Говард. Что ты как девчонка.

— А что? Я должен был тебя пнуть, наверное? — я не смог сдержать смех, — Испортил такой хороший момент! Я же тебя поддержал.

— А вот за это спасибо. Вот только теперь я переживаю: в прошлый раз после поддержки ты не спал, а потом весь день я тебя под руку держал.

— Я не из-за этого не спал, а из-за того, что делал химию за тебя. Но мне не жалко.

— Что я бы без тебя делал... — Малкольм перестал делать вид, что он очень серьёзен и улыбнулся.

Мы ещё о чём-то говорили, точнее, ни о чём. Я спустился вниз, чтобы налить воды, а когда уже подходил к комнате Пэрриша, услышал их с матерью разговор.

— Ты был в больнице? — голос миссис Пэрриш был беспокойным.

— Да, это ушиб. Адам перевязал мне руку. На вопросы отвечал, что из-за учебников получил.

— Малыш, ты теперь боишься возвращаться домой, я знаю. Я сама не знаю, что с твоим отцом: ты же не собираешься бросать учёбу. А я читала то, что ты писал. Ты мог бы стать прекрасным писателем.

— Вот только жаль, что это не случится...

Я спрятался за колонну. Когда мать Малкольма спустилась вниз, я зашёл в его комнату, сделав вид, что ничего не слышал.

— Красиво у тебя, уютно. Твой дом в несколько раз больше моего.

— Тебе в твоём не тяжело находиться, — уверен, если бы Пэрриш был послабее, сейчас он бы пустил слезу.

— Давай, — я сел напротив него и посмотрел ему в глаза, —Выскажись. Расскажи всё, что душу тяготит.

— Вот ты боишься приходить домой, Адам? Я уверен, что нет. Завтра отец возвращается из-за каких-то проблем... — он запустил руки в волосы и поставил локти на колени, — Я не знаю, что мне делать. Я не смогу не писать остаток недели.

Мне было страшно: у Пэрриша было какое-то эмоциональное выгорание, он ходил кругами по комнате. Я взял его за забинтованное предплечье, Малкольм стиснул зубы.

— Ты будешь жить у меня до понедельника. Твоя мать поймёт, я уверен. Собирайся.

Малкольм молча кивнул головой, а я позвонил домой. Тем же вечером Малкольм уже разговаривал про футбол с моим папой, а потом спокойно спал в моей кровати, а я переместился на кресло.

Пэрриш встал очень рано и объяснил это тем, что я упал с кресла во сне и разбудил его. Бог знает, сколько я ещё пролежал бы на полу, если бы он не споткнулся об меня, когда вставал выпить воды. Он упал, чертыхнулся и проснулся окончательно, а я не отреагировал вообще никак.

— Нет, Говард, так дело не пойдёт. Надо будет тебя либо привязать, либо подушками обложить, чтобы падать было хотя бы мягко.

— А ты хоть как спал? — я потянулся и размял шею, зевнув.

— До того, как я споткнулся и упал, спалось отлично. Самое главное, что спокойно, — Малкольм подошёл к окну, — У тебя хороший отец, весёлый.

— Слушай, давай не будем. Ты здесь для того, чтобы отдохнуть. Не думай о плохом.

Я вышел из комнаты и отправился на кухню.

— Тебе чай или кофе?

— Давай чай, — сонный Пэрриш сел за стол, который стоял возле окна в кухне.

Я поставил перед ним тарелку с блинчиками и кружку с чаем, а сам сел напротив, только с кофе. Впервые за несколько недель я был спокоен за Пэрриша: он уплетал блинчики с джемом и смотрел на зимний пейзаж за окном.

Пэрриш исследовал дом пока я убирался и готовил обед. Я то и дело оглядывался на него; Малкольм включил радиоприёмник, откуда зазвучала «Let's Have A Party». Я знал, что сейчас что-то произойдёт, и оказался прав: Малкольм танцевал, распевая песню на весь дом.

— Давай подпевай, Адам! — он прыгнул возле меня, я чуть не выронил нож.

— Пэрриш!! Я же занят. У меня нож, если не заметил.

— Меньше серьёзности, Говард! — он прищурился, разглядывая какую-то карту, которая висела в гостиной.

<http://tl.rulate.ru/book/22354/464542>